

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Кошkin А.В., Пенькова И.В. Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.76466 EDN: FCQQMK URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76466

Эволюция концепции коммуникации центральных банков как инструмента: от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности

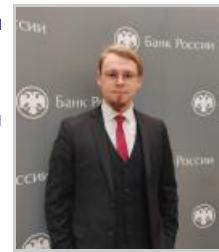
Кошkin Андрей Вячеславович

ORCID: 0000-0001-9942-7722

ассистент; институт промышленного менеджмента, экономики и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ koshkin_9300@mail.ru

Пенькова Инесса Вячеславовна

доктор экономических наук

доцент; кафедра Экономической теории; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

✉ penkova_iv@spbstu.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.76466

EDN:

FCQQMK

Дата направления статьи в редакцию:

27-10-2025

Дата публикации:

04-11-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является эволюция коммуникационной

политики центральных банков как ключевого инструмента денежно-кредитного регулирования. Работа прослеживает фундаментальную трансформацию роли коммуникации: от исторической доктрины секретности, где она рассматривалась как потенциальная угроза финансовой стабильности, через ее признание в качестве рутинного механизма управления инфляционными ожиданиями, и до ее современного утверждения в качестве стратегического элемента системы экономической безопасности государства. Анализируется смена теоретических парадигм, обусловленная развитием экономической мысли (от теории временной несогласованности к теории инфляционного таргетирования), а также конкретные дискурсивные практики и вербальные интервенции центральных банков (на примерах ФРС США, ЕЦБ и Банка России) в периоды финансовой стабильности и системных кризисов. Исследование показывает, как коммуникация превратилась из факультативного дополнения в самостоятельный канал трансмиссионного механизма, непосредственно влияющий на финансовый суверенитет. В исследовании применен комплекс качественных методов: историко-генетический анализ для реконструкции эволюции парадигмы, дискурс-анализ ключевых вербальных интервенций, сравнительный анализ практик разных юрисдикций и институциональный подход для интерпретации результатов. Научная новизна работы заключается в системном обосновании перехода коммуникации центральных банков в разряд элементов национальной экономической безопасности. Ключевым выводом является положение о перформативной природе современной монетарной коммуникации: в условиях кризиса вербальная интервенция не просто описывает реальность, а активно конструирует ее, выступая самостоятельным инструментом стабилизации и предотвращая коллапс доверия. Исследование выявляет и анализирует «парадокс прозрачности», при котором стремление к максимальной ясности порождает риски избыточной зависимости рынков от коммуникационных сигналов. На примере Банка России в 2022 году детально показано, как целенаправленное конструирование нарративов (временности шока, достаточности ресурсов, гарантий поддержки) выполняет функцию превентивного подавления паники, напрямую соотносясь с задачами обеспечения финансового суверенитета и устойчивости.

Ключевые слова:

Коммуникация центральных банков, экономическая безопасность, управление ожиданиями, перформативный дискурс, финансовая стабильность, инфляционное таргетирование, форвард гайданс, вербальные интервенции, парадокс прозрачности, Банк России

ВВЕДЕНИЕ

Эволюция коммуникационной политики центральных банков представляет собой один из наиболее значимых парадигмальных сдвигов в практике денежно-кредитного регулирования за последние полвека. Если в конце XX века доминировала доктрина, в рамках которой скромная и намеренно неопределенная риторика монетарных властей рассматривалась как краеугольный камень финансовой стабильности, то в современную эпоху коммуникация трансформировалась в ключевой инструмент управления ожиданиями экономических агентов, активный механизм антикризисного реагирования и, в конечном счете, неотъемлемый элемент системы экономической безопасности государства. Осмысление этой трансформации выходит за рамки чисто технических аспектов денежно-кредитной политики (ДКП), затрагивая фундаментальные вопросы

доверия к институтам власти, природы формирования финансовых рынков и уязвимости глобальной финансовой системы в условиях нестабильности.

Исторически сложившаяся культура секретности центральных банков была во многом следствием классического представления о том, что избыток информации способен дестабилизировать хрупкое равновесие финансовых рынков. Каноническим выражением этой философии служит знаменитый афоризм управляющего Банка Англии Монтиги Нормана: «Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» [\[1, р. 156\]](#), который предписывал держать прессу и общественность на почтительной дистанции от тонких механизмов денежной системы. Эта традиция находила теоретическое обоснование в работах представителей монетаризма, подчеркивавших приоритет контроля над денежной массой перед любыми формами публичных дискуссий. Даже в конце 1980-х годов председатель Федеральной резервной системы (ФРС) Алан Гринспен намеренно культивировал стиль «конструктивной двусмысленности», полагая, что прозрачность способна связать руки центральному банку в его реакциях на непредсказуемые шоки [\[2\]](#). Подобный подход был глубоко укоренен в убеждении, что финансовые рынки, будучи подвержены иррациональным настроениям, не способны адекватно интерпретировать сложные сигналы монетарных властей, а потому минимализм в коммуникации является наименьшим из зол.

Переломный момент в этой доктрине наступил с осознанием роли ожиданий как важного элемента трансмиссионного механизма ДКП. Работы таких экономистов, как М. Вудфорд, обосновали, что будущая траектория процентной ставки оказывает на экономику не менее сильное воздействие, чем ее текущее значение [\[3\]](#). В этой новой парадигме способность центрального банка направленно формировать и закреплять долгосрочные инфляционные ожидания стала критически важной. Как метко охарактеризовал этот переход Бен Бернанке, сменивший Гринспена на посту главы ФРС, современная ДКП «на 98% состоит из слов и на 2% из действий» [\[4\]](#). Коммуникация превратилась из потенциального источника нестабильности в основной инструмент декларации намерений (forward guidance), позволяющий тонко настраивать поведение рынков без немедленного изменения ключевых ставок.

Однако наиболее радикальное переосмысление роли коммуникации произошло в контексте системных финансовых кризисов, когда на карту была поставлена не только ценовая стабильность, но и устойчивость всей банковской системы. В этих условиях традиционные инструменты оказались недостаточными, и на первый план вышла способность центрального банка выступать в роли убедительного и надежного коммуникатора, способного успокоить панику и предотвратить банковскую панику. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит выступление председателя ЕЦБ Марио Драги в разгар долгового кризиса в зоне евро, когда его лаконичное, но мощное обязательство сделать «все необходимое для сохранения евро» (whatever it takes) оказалось мгновенный стабилизирующий эффект на рынки суверенных облигаций, по сути, заменив собой масштабные интервенции [\[5\]](#). Этот эпизод демонстрирует, как вербальная интервенция, подкрепленная репутацией института и готовностью к действиям, сама по себе становится мощным инструментом антикризисного управления.

В российском контексте данная эволюция проявилась со всей очевидностью в условиях кризиса ликвидности февраля-марта 2022 года. Столкнувшись с беспрецедентным оттоком средств населения из банковской системы, Банк России сделал стратегическую ставку не только на применение стандартных инструментов рефинансирования, но и на интенсивную, детализированную коммуникацию, направленную на разъяснение причин и

временного характера происходящих процессов, а также на демонстрацию готовности поддержать финансовую систему [6]. Подобные меры, как отмечают отечественные исследователи, были нацелены не только на немедленное изменение параметров ликвидности, сколько на купирование панических настроений и предотвращение самоисполняющегося пророчества о коллапсе банковского сектора, что напрямую соотносится с задачами обеспечения экономической безопасности страны [7].

Таким образом, прослеживается четкая историческая траектория: от концепции коммуникации как угрозы, которую следует минимизировать, через ее признание в качестве рутинного инструмента управления ожиданиями, и далее – до ее утверждения в качестве одного из ключевых элементов антикризисного арсенала, непосредственно влияющего на экономическую безопасность. Целью настоящего исследования является системный анализ данной трансформации, выявление ее теоретических предпосылок, ключевых этапов и конкретных проявлений в практике ведущих центральных банков, включая Банк России. В работе будет доказано, что современная коммуникация перестала быть факультативным дополнением к ДКП, эволюционировав в самостоятельный, высокоеффективный и стратегически значимый инструмент защиты финансового суверенитета и стабильности.

МЕТОДЫ

Для решения поставленной в статье исследовательской задачи – проследить трансформацию восприятия коммуникации центральных банков от угрозы финансовой стабильности до элемента системы экономической безопасности – был применен комплекс общенаучных и специальных методов, ориентированный на качественный анализ и позволяющий выявить причинно-следственные связи, концептуальные сдвиги и институциональные закономерности данного процесса. В основе методологического подхода лежит принцип историко-генетического анализа, дополненный инструментарием сравнительного анализа, дискурс-анализа и институционального подхода.

Исходным методом исследования выступил **историко-генетический анализ**, позволивший реконструировать поэтапную эволюцию философии и практики коммуникации центральных банков в ее диалектическом развитии. Данный метод применялся для выявления ключевых вех и поворотных точек в изменении парадигмы. Анализ начался с реконструкции исходного состояния, характеризуемого доктриной секретности, теоретически обоснованной в работах, посвященных проблеме временной несогласованности оптимальной денежно-кредитной политики (time inconsistency) [10–12]. Изучение трудов Р. Барро, Д. Гордона, Ф. Кидланда и Э. Прескотта [10, 11] позволило установить первоначальные теоретические предпосылки, делавшие сокрытие информации рациональной стратегией для центрального банка. Далее прослеживалась смена данной парадигмы, вызванная становлением теории инфляционного таргетирования и осознанием ключевой роли управления ожиданиями, что нашло отражение в фундаментальных работах М. Вудфорда [3] и Л. Свенссона [13]. Историко-генетический метод позволил не просто перечислить эти этапы, но и выявить логику перехода от одной модели к другой, показав, как накопление эмпирического опыта и развитие экономической теории постепенно демонтировали постулаты эпохи Монтею Нормана и Алана Гринспена.

Для работы с конкретными нарративами и текстовыми практиками центральных банков был использован **дискурс-анализ**. Этот метод был применен к ключевым публичным высказываниям, заявлениям, протоколам заседаний и официальным пресс-релизам

монетарных властей. Целью являлось не просто цитирование, а выявление скрытых смыслов, риторических стратегий и эволюции языка. Например, афоризм Алана Гринспена «Если вы меня поняли – то вы меня не поняли» [2] анализировался не как курьез, а как системный элемент коммуникативной стратегии, направленной на сохранение максимальной степени свободы. Напротив, речь Марио Драги «whatever it takes» [5] изучалась как перформативное высказывание, сила которого заключалась в его способности мгновенно изменить рыночный дискурс с пессимистического на стабильный. В российском контексте методом дискурс-анализа были исследованы коммуникационные материалы Банка России в период кризиса 2022 года [6], что позволило идентифицировать конкретные лексические конструкции и нарративы, направленные на купирование паники (акцент на «временный характер», «достаточность принимаемых мер», «полную поддержку регулятора»). Этот метод позволил перевести анализ с макроуровня исторических тенденций на микроуровень конкретных речевых актов, обладающих реальной экономической силой.

Центральным методом для проведения сравнительной оценки и выявления общих тенденций и национальных особенностей выступил **сравнительный анализ**. В рамках данного метода были сопоставлены коммуникационные стратегии и их эволюция в нескольких юрисдикциях: Федеральная резервная система США (как пример длительной эволюции от секретности к прозрачности), Европейский центральный банк (как пример коммуникации в условиях сложного наднационального мандата) и Банк России (как пример ускоренной трансформации в условиях формирующегося рынка и кризисных вызовов). Сравнение проводилось по следующим критериям: степень прозрачности (анализировалась через публикацию прогнозов, протоколов, видеотрансляций), частота и каналы коммуникации, а также реактивность коммуникации в кризисные периоды. Это позволило избежать однобокости выводов и доказать, что выявленная траектория эволюции носит не случайный, а системный характер, хотя и имеет национальную специфику. Теоретической основой для выработки критериев сравнения послужила разработанная А. Блиндером и его соавторами теория прозрачности центральных банков [2], а также ее операционализация в работах С. Гераатс и С. Эйффингера [14], что позволило систематизировать качественные наблюдения.

Для интерпретации выявленных изменений в контексте их институциональной укорененности и влияния на устойчивость финансовой системы был задействован **институциональный подход**. В его рамках коммуникация центрального банка рассматривалась не как технический инструмент, а как важнейший институт, снижающий транзакционные издержки взаимодействия между властью и экономическими агентами и формирующий нормы поведения на финансовых рынках. Этот подход позволил обосновать заключительный тезис статьи о трансформации коммуникации в элемент системы экономической безопасности. Анализ показал, что, эволюционируя, коммуникация стала выполнять функцию защиты против системных рисков, то есть функцию, непосредственно связанную с безопасностью. В этом ключе изучались работы отечественных авторов [7], которые напрямую увязывают деятельность центрального банка с обеспечением экономической безопасности, а также труды В.М. Полтеровича [15], посвященные институциональным ловушкам, которые преодолеваются, в том числе, и за счет повышения прозрачности и предсказуемости политики институтов развития, к которым правомерно отнести и центральный банк.

Логика исследования была выстроена следующим образом. На первом этапе, с помощью историко-генетического анализа, была построена общая картина эволюции парадигмы.

На втором этапе, посредством дискурс-анализа, эта картина была наполнена конкретным эмпирическим содержанием на примере ключевых вербальных интервенций. На третьем этапе, с применением сравнительного анализа, была проведена верификация выводов на кейсах различных стран, что подтвердило универсальность тенденции. На заключительном, четвертом этапе, с привлечением институционального подхода, были осмыслены и обобщены последствия данной трансформации, а именно переход коммуникации в разряд стратегических активов экономической безопасности. Такой многоуровневый методологический комплекс позволил обеспечить глубину, системность и обоснованность проводимого исследования, полностью соответствующую его цели и задачам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное исследование на основе комплекса качественных методов позволило не просто констатировать хронологическую последовательность изменений, но и вскрыть системные взаимосвязи между теоретическими парадигмами, дискурсивными практиками и институциональной трансформацией роли коммуникации центральных банков. Результатом этой эволюции стал переход от концепции коммуникации как факультативной и потенциально опасной активности к ее утверждению в качестве стержневого элемента операционной рамки ДКП и стратегического актива национальной экономической безопасности.

Эпоха секретности: теоретические основы и дискурс неопределенности как инструмент управления

На первом этапе, охватывающем период до 1990-х годов, доминировала парадигма, в рамках которой скучная и намеренно неопределенная коммуникация рассматривалась не как слабость, а как элемент системы финансовой безопасности. Результаты историко-генетического анализа подтверждают, что данная философия была глубоко укоренена в теоретических построениях, предшествовавших и сопровождавших «монетарную контрреволюцию». Ключевую роль здесь сыграла разработанная Ф. Кидландом, Э. Прескоттом [\[10\]](#), Р. Барро и Д. Гордоном [\[11\]](#) проблема временной несогласованности оптимальной политики (*time inconsistency*). Согласно этой логике, любое детальное разъяснение будущих намерений центрального банка создавало бы для него формальные или неформальные обязательства, от которых в будущем, под давлением обстоятельств (например, стремления временно стимулировать занятость), могло бы быть выгодно отступить. Рациональные экономические агенты, *anticipating* эту возможность, сразу же закладывали в свои инфляционные ожидания премию за риск подобного отклонения, что в итоге приводило к хронически завышенной инфляции без какого-либо выигрыша в реальных показателях. Следовательно, стратегическим императивом была максимальная степень операционной свободы, обеспечиваемая минималистичной и непредсказуемой коммуникацией. Работа К. Рогоффа [\[12\]](#) о делегировании денежно-кредитной политики «консервативному» управляющему, не склонному идти на компромиссы в борьбе с инфляцией, лишь усилила этот тренд, подчеркивая ценность репутации, а не прозрачности.

Дискурс-анализ публичных высказываний ключевых фигур того периода выявил риторические стратегии, которые были прямым воплощением данной теоретической доктрины. Установка управляющего Банком Англии Монтею Нормана «Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» [\[1, р. 156\]](#) представляла собой не просто личное кредо, а институциональную норму, нацеленную на создание сакрального ореола вокруг

центрального банка, чьи решения были подобны решениям оракула – не подлежащими обсуждению, а лишь интерпретации. Однако наиболее изощренное развитие эта стратегия получила в эпоху Алана Гринспена. Его знаменитый афоризм «Если вы меня поняли – то вы меня не поняли» [2], часто трактуемый как курьез, на самом деле является блестящим образцом риторики контр-прозрачности. Это высказывание было метакоммуникационным посланием: оно прямо информировало рынки о том, что их попытки декодировать сигналы ФРС заведомо тщетны. Подобный дискурс целенаправленно конструировал реальность, в которой центральный банк был единственным агентом, обладающим всей полнотой информации, а рынки пребывали в состоянии продуктивной неопределенности, вынужденные гадать о намерениях регулятора. Это не было отсутствием коммуникации; это была специфическая форма коммуникации, использующая двусмысленность в качестве инструмента сдерживания спекулятивного поведения и сохранения максимального маневра. Сравнительный анализ подтверждает, что данная модель была универсальной для большинства ведущих центральных банков, включая Бундесбанк, чья «культура стабильности» также зиждалась на немногословности и непубличности.

Теоретический переворот и дискурсивный сдвиг: конструирование якоря ожиданий

Второй этап, начало которого относится к 1990-м – 2000-м годам, ознаменовался кардинальным пересмотром как теоретических основ, так и дискурсивных практик на фоне триумфального шествия режима инфляционного таргетирования. Результаты исследования демонстрируют, что ключевым интеллектуальным прорывом стало признание центральной роли ожиданий экономических агентов в трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики. Работы Майкла Вудфорда, в частности его монументальный труд «Interest and Prices» [3], доказали, что в современной экономике, где большинство контрактов являются долгосрочными, именно управление ожиданиями относительно будущей траектории процентных ставок становится главной задачей центрального банка. В этой новой парадигме, развитой и дополненной Ларсом Свенссоном [13], способность направленно формировать эти ожидания превратилась из побочного продукта в основную цель, а главным инструментом для этого выступила верbalная интервенция, (forward guidance).

Этот теоретический сдвиг спровоцировал тектонический дискурсивный разрыв. Если ранее язык центрального банка был языком намеков и умолчаний, то теперь он стал языком предельной ясности, проспекции и количественных оценок. Дискурс-анализ коммуникационных материалов этого периода позволяет выявить ряд новых, системообразующих речевых практик. Во-первых, это появление и нормализация временных ориентиров (time-based forward guidance), когда центральные банки стали открыто заявлять о намерении сохранять ставки на низком уровне в течение «продолжительного периода» или «до достижения определенных условий». Во-вторых, это внедрение прогнозной информации, такой как публикация «точечных графиков» (dot plots) членами FOMC ФРС, которые визуализировали индивидуальные ожидания по траектории ставок. Эти графики, будучи, по сути, коллективным дискурсивным актом, создавали мощный нарратив о вероятном будущем, на который могли ориентироваться рынки. В-третьих, это переход к прямому объяснению решений через детальные пресс-релизы и пресс-конференции, где председатели центральных банков (Бен Бернанке, Марк Карни) целенаправленно дезавуировали наследие Гринспена, стремясь быть максимально понятными. Как точно охарактеризовал этот переход сам Бернанке, современная ДКП действительно стала «на 98% состоять из слов» [4], где под «словами» подразумевается сложный, структурированный и нацеленный на будущее дискурс. В

российском контексте [8], переход Банка России к режиму таргетирования инфляции в 2014–2015 годах был сопряжен с сознательным заимствованием и адаптацией этих дискурсивных практик: введение постлемитинговых заявлений Совета директоров и их последующего разбора на пресс-конференциях было нацелено на построение того самого «якоря» для инфляционных ожиданий, о котором писал Вудфорд.

Кризис как катализатор: перформативный дискурс и становление коммуникации элементом безопасности

Третий, современный этап эволюции, наиболее рельефно проявившийся в ходе системных кризисов (2007–2009, 2011–2012, 2020, 2022 гг.), характеризуется качественным скачком: коммуникация перешла из разряда рутинного инструмента управления ожиданиями в разряд мощного средства антикризисного реагирования, чья эффективность напрямую влияет на параметры экономической безопасности. Результаты исследования показывают, что в условиях системного шока, когда доверие как фундаментальный институт финансовой системы рушится, вербальная интервенция становится не просто информацией, а прямым силовым воздействием на реальность – перформативным высказыванием в его чистом виде.

Ключевым результатом дискурс-анализа кризисных коммуникаций является выявление их новой, интервенционной природы. Ярчайшим примером служит выступление Марио Драги в июле 2012 года. Его лаконичная фраза «в рамках своего мандата ЕЦБ готов сделать все необходимое для сохранения евро. И поверьте, этого будет достаточно» [5] стала классическим примером перформатива. Дискурс-анализ позволяет деконструировать эту фразу: 1) отсылка к мандату легитимизировала действие в глазах скептиков; 2) неопределенное «все необходимое» (whatever it takes) создавало пространство для самых смелых ожиданий рынков относительно масштабов возможной интервенции; 3) заверение «поверьте» апеллировало не к логике, а к доверию и репутации говорящего; 4) утверждение «этого будет достаточно» (and believe me, it will be enough) носило характер самосбывающегося пророчества, призванного мгновенно изменить рыночный дискурс с пессимистического на стабильный. Результатом этой вербальной интервенции стало немедленное и значительное снижение спредов по суверенным облигациям проблемных стран еврозоны. Коммуникация здесь сработала не как анонс будущих действий, а как самостоятельное действие, предотвратив самореализующийся кризис ликвидности.

Наиболее показательным примером для целей данного исследования является кейс Банка России в феврале–марте 2022 года. Институциональный анализ в сочетании с дискурс-анализом позволил выявить, как коммуникация была интегрирована в систему обеспечения экономической безопасности. Результаты анализа публичных заявлений, пресс-релизов и выступлений представителей регулятора, включая Э.С. Набиуллину [6], позволили идентифицировать целый комплекс целенаправленных коммуникационных стратегий, которые можно классифицировать как меры оперативного уровня защиты финансового суверенитета. Дискурс-анализ выявил несколько ключевых, целенаправленно конструируемых нарративов, выполнявших конкретные стабилизационные функции:

- **Нарратив временности и экзогенности шока:** Постоянное использование лексики, подчеркивающей внешний, неэкономический и временный характер происходящего («внешний шок», «временно», «переходный период»). Этот нарратив был нацелен на разрыв психологической связи между текущими событиями и фундаментальным

состоянием финансовой системы, предотвращая закрепление панических настроений как новой нормы.

- **Нarrатив системной достаточности и resilience:** Активное и повторяющееся упоминание о «достаточном объеме золотовалютных резервов», «высоком уровне капитализации банковского сектора», «буферах» и «подушках безопасности». Этот дискурс был призван выполнить функцию демонстрации силы, сигнализируя, что у регулятора и системы в целом есть достаточный запас прочности для абсорбции шока любой величины.
- **Нарратив безусловных гарантий и контроля:** Прямые, лишенные двусмысленности заверения в поддержке («Банк России не оставит кредитные организации один на один с проблемами», «обеспечит выдачу наличных рублей во всех регионах»). В отличие от высказываний Драги, оставлявших пространство для интерпретации, дискурс Банка России в этот период характеризовался высокой степенью императивности и конкретики, что было необходимо для немедленного копирования паники среди населения.

Институциональный подход позволяет осмыслить эти наблюдения на более высоком уровне абстракции. Эффективная коммуникация в кризис перестает быть просто инструментом ДКП; она сама институционализируется как ключевой механизм защиты национальной экономики от системных рисков. В терминах теории экономической безопасности [7], способность центрального банка быстро, убедительно и авторитетно доносить стабилизирующие послания становится неотъемлемым компонентом информационно-психологической безопасности финансовой системы. Она предотвращает реализацию одного из наиболее опасных сценариев – банковской паники, которая, будучи запущенной, способна обрушить реальный сектор экономики независимо от состояния фундаментальных показателей. Таким образом, коммуникация трансформируется из факультативной компетенции в обязательный, стратегически значимый актив, прямо влияющий на финансовый суверенитет и устойчивость государства. Сравнительный анализ с действиями ФРС в 2008 году (заявления о «неограниченной поддержке») и ЕЦБ в 2012-м подтверждает универсальность данного вывода: в момент наивысшей турбулентности коммуникация берет на себя роль «первого ответчика», задача которого – не допустить коллапса доверия, который не смогут остановить никакие, даже самые масштабные, ликвидные инъекции. Именно в этом качестве – как актив, предотвращающий системный коллапс, – коммуникация окончательно встраивается в архитектуру экономической безопасности.

Дискуссия

Полученные результаты позволяют выйти на новый уровень осмысления роли коммуникации в современной монетарной системе. Выявленная трехэтапная эволюция представляет собой не просто смену технических приемов, а глубокую трансформацию философских оснований деятельности центрального банка, его идентичности и места в архитектуре государственного управления. Если первоначально центральный банк мыслил себя как технократический институт, действующий в отрыве от общества и даже вопреки ему ради высших целей стабильности, то сегодня он вынужден быть публичным политическим актором, чья эффективность напрямую зависит от способности вести сложный, многоканальный диалог с разнородной аудиторией. Это порождает ряд фундаментальных вопросов и противоречий, требующих детального обсуждения.

Коммуникация как новый вид монетарного риска: парадокс прозрачности

Одним из ключевых выводов исследования является признание того, что сама

коммуникация, став основным инструментом, породила новый класс монетарных рисков. Если в эпоху секретности главной угрозой была непредсказуемость действий центрального банка, то в эпоху гипертранспарентности угрозой становится *избыточная зависимость рынков от вербальных сигналов* и риск их неверной интерпретации. Это создает то, что можно обозначить как «парадокс прозрачности»: стремление быть максимально понятным неизбежно ведет к усложнению коммуникационного кода (протоколы, «точечные графики», условные ориентиры), который, в свою очередь, становится объектом спекулятивной игры и источником волатильности. Работы Блиндера и его соавторов [2] предупреждали о данной проблеме, отмечая, что существует оптимум прозрачности, за которым могут последовать негативные эффекты.

В этом контексте возникает дискуссия о границах и издержках форвард гайданс. С одной стороны, как показали наши результаты, он является мощным инструментом управления ожиданиями. С другой стороны, чрезмерно детализированный и привязанный к календарю заявленных намерений может «связать руки» центральному банку, лишив его гибкости в реакции на непредвиденные шоки. Ситуация, при которой регулятор вынужден нарушить свои же ранее данные ориентиры, может нанести по его репутации больший урон, чем изначальное отсутствие таких обещаний. Таким образом, современный центральный банк оказывается в ситуации перманентного балансирования между необходимостью обеспечивать предсказуемость и сохранением необходимой степени свободы для действий. Это уже не выбор между секретностью и прозрачностью, а гораздо более тонкая настройка качества и модальности прозрачности.

Перформативность дискурса: от отражения реальности к ее конструированию

Результаты дискурс-анализа, особенно в части кризисных интервенций, со всей очевидностью демонстрируют, что язык центрального банка перестал быть пассивным описателем реальности и превратился в активную силу, эту реальность формирующую. Высказывания Драги и Набиуллиной не описывали некую готовую экономическую ситуацию; они сами по себе были экономическими событиями первой величины, способными развернуть тренды на рынках. Эта перформативная природа коммуникации заставляет по-новому взглянуть на теорию речевых актов применительно к экономике.

Данный вывод ставит под сомнение традиционные модели, рассматривающие коммуникацию как всего лишь канал передачи информации. В свете нашего исследования более адекватной представляется модель, в которой коммуникация является самостоятельным каналом трансмиссионного механизма. Вербальная интервенция, подобно изменению процентной ставки или операции на открытом рынке, оказывает непосредственное воздействие на цены активов, валютные курсы и поведение экономических агентов. Это требует разработки новых теоретических моделей, где коммуникационный сигнал будет не экзогенным параметром, а эндогенной переменной, встроенной в ядро монетарной реакции. В данном контексте особую актуальность приобретают работы, лежащие на стыке экономики, лингвистики и социологии, такие как исследования Мишеля Фуко о дискурсе и власти, позволяющие понять, как через язык конструируются институты и отношения доверия/недоверия.

Коммуникация как элемент экономической безопасности: институциональное измерение

Наиболее значимым и дискуссионным результатом представляется утверждение о трансформации коммуникации в элемент системы экономической безопасности. Этот тезис требует конкретизации его институционального содержания. Мы полагаем, что

данная функция реализуется через несколько ключевых механизмов.

Во-первых, это механизм превентивного подавления паники. Как показал кейс Банка России в 2022 году, быстрая, уверенная и технически грамотная коммуникация способна предотвратить реализацию классической банковской паники, выступая тем самым в роли «верbalного lender of last resort» до того, как потребуются реальные финансовые вливания. Это напрямую защищает один из ключевых элементов экономической безопасности – стабильность национальной банковской системы.

Во-вторых, это механизм снижения информационной асимметрии в условиях гибридных угроз. В современной геоэкономической реальности, где финансовые рынки становятся полем недобросовестной конкуренции и информационных атак, способность центрального банка выступать в роли единого, авторитетного и доверительного источника информации является критически важной. Он противодействует деструктивным нарративам и фейковой информации, выполняя функцию «информационного суверенитета».

В-третьих, это механизм поддержания доверия к государственным институтам в целом. В период кризиса доверие к центральному банку как к одному из наиболее профессиональных и аполитичных институтов часто оказывается выше, чем к другим органам власти. Следовательно, его эффективная коммуникация становится стабилизирующим фактором для всей политической системы, что также является вопросом национальной безопасности.

Однако здесь возникает серьезная дилемма. Интеграция коммуникации в систему экономической безопасности неизбежно политизирует ее, даже если центральный банк формально независим. Грань между стабилизацией финансовой системы в рамках мандата и решением более широких политических задач может становиться крайне тонкой. Это требует от руководства центрального банка высочайшего чувства меры и ответственности, чтобы не превратить коммуникацию из инструмента стабилизации в инструмент пропаганды.

Ограничения исследования и перспективы дальнейших изысканий

Проведенное исследование, будучи основанным на качественной методологии, имеет определенные ограничения. Оно выявляет логику и направленность трансформации, но не дает количественной оценки эффективности тех или иных коммуникационных стратегий. Кроме того, фокус на кейсах крупнейших центральных банков может нивелировать специфику коммуникационных проблем, стоящих перед регуляторами малых открытых экономик.

В связи с этим, перспективными направлениями для будущих исследований видятся:

- **Количественный анализ эффективности нарративов:** Применение методов текстового анализа (text mining, sentiment analysis) к корпусу текстовых выступлений центральных банков для выявления наиболее действенных лексических конструкций и их корреляции с рыночными показателями.
- **Сравнительный анализ коммуникации в условиях цифровой трансформации:** Изучение того, как социальные сети и цифровые платформы меняют характер диалога между центральным банком и обществом, создавая новые риски и возможности.
- **Исследование когнитивных аспектов восприятия коммуникации:** Изучение того, как различные социально-демографические группы (население, профессиональные участники рынка) по-разному воспринимают и интерпретируют одни и те же сообщения

центрального банка, что крайне важно для повышения адресности его политики.

В заключение, дискуссия позволяет утверждать, что эволюция коммуникации центральных банков является закономерным ответом на усложнение экономической реальности. Коммуникация превратилась из пассивного атрибута власти в активный, многогранный и сопряженный с рисками инструмент, от качества использования которого сегодня зависит не только эффективность денежно-кредитной политики, но и устойчивость всей национальной экономической системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать системный вывод о том, что эволюция коммуникации центральных банков представляет собой не просто техническую адаптацию их инструментария, а фундаментальную трансформацию роли и идентичности монетарных институтов в современной экономике. От доктрины секретности, основанной на теоретических постулатах о временной несогласованности оптимальной политики, центральные банки перешли к модели стратегической прозрачности, где коммуникация стала основным каналом управления ожиданиями экономических агентов. Этот переход, теоретически обоснованный в работах Вудфорда и Свенссона, нашел свое практическое воплощение в повсеместном внедрении инфляционного таргетирования и таких инструментов, как форвард гайданс. Однако наиболее значимой трансформацией последнего десятилетия стало утверждение коммуникации в качестве ключевого элемента системы антикризисного реагирования и экономической безопасности, что подтверждается анализом действий ЕЦБ в 2012 году и Банка России в 2022 году.

Основным результатом работы является вывод о том, что современная коммуникация центрального банка обладает собственной перформативной силой, позволяющей ей не просто описывать экономическую реальность, но и активно формировать ее. В кризисных условиях, когда традиционные механизмы передачи монетарной политики нарушены, верbalная интервенция становится самостоятельным инструментом стабилизации, способным предотвратить реализацию самоисполняющегося пророчества финансового коллапса. Именно в этом качестве – как механизм превентивного подавления паники и снижения информационной асимметрии в условиях гибридных угроз – коммуникация окончательно встраивается в архитектуру экономической безопасности государства. Она превращается в стратегический актив, от эффективности использования которого зависит не только ценовая стабильность, но и устойчивость всей финансовой системы страны.

Вместе с тем, эта эволюция порождает новые вызовы и дилеммы. «Парадокс прозрачности» заключается в том, что стремление к максимальной ясности неизбежно ведет к усложнению коммуникационного кода, что создает риски его неверной интерпретации и формирования новой волатильности. Центральные банки оказываются перед необходимостью постоянного балансирования между предоставлением четких ориентиров и сохранением операционной гибкости, между технократической сущностью и неизбежной политизацией их коммуникации в контексте задач экономической безопасности. Это требует выработки новых, более изощренных подходов к построению диалога с разнородной аудиторией, учитывающих когнитивные особенности восприятия информации различными группами экономических агентов.

Таким образом, значение коммуникационной политики для центральных банков кардинально пересмотрено. Из маргинальной и потенциально опасной активности она превратилась в стержневой элемент их операционной рамки, а в критических ситуациях

– в один из важнейших инструментов защиты национального экономического суверенитета. Дальнейшее развитие этого направления будет связано с необходимостью решения новых задач: цифровизации коммуникационных каналов, противодействия деструктивным информационным кампаниям и повышения адресности коммуникации для различных сегментов общества. Способность монетарных властей адаптироваться к этим вызовам станет определяющим фактором их эффективности в XXI веке.

Библиография

1. Kynaston D. The City of London. Vol. 3: Illusions of Gold, 1914–1945. London: Chatto & Windus, 1999.
2. Blinder A. S., Ehrmann M., Fratzscher M., De Haan J., Jansen D.-J. Central Bank Communication and Monetary Policy: A Survey of Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. 2008. Vol. 46(4). Pp. 910-945.
3. Woodford M. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
4. Bernanke B. S. Central Bank Communication, Transparency, and Interest Rate Forecasting: A Speech at the National Association for Business Economics Washington Economic Policy Conference, Washington, D.C., March 25, 2004 // Federal Reserve System. 2004.
5. Altavilla C., Carboni G., Lenza M. The Financial and Macroeconomic Effects of the OMT Announcements: A Tale of Two Seasons // International Journal of Central Banking. 2020. Vol. 16(4). Pp. 229-264.
6. Головнин М. Ю. Денежно-кредитная политика России: реакции на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7-20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20. EDN: BOEIAH.
7. Рыбаков О. Е. Роль Центрального банка в системе экономической безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-2. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-10552. EDN: JWEWAV.
8. Мерзляков С. А., Хабибуллин Р. А. Информационная политика Банка России: анализ воздействия пресс-релизов о ключевой ставке на межбанковскую ставку // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 141-151. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-141-151. EDN: ZSIXQJ.
9. Кузнецова О. С., Ульянова С. Р. Влияние вербальных интервенций Банка России на фондовые индексы // Журнал экономической теории. 2016. № 4. С. 18-27. EDN: XBVSPV.
10. Kydland F. E., Prescott E. C. Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85(3). Pp. 473-492.
11. Barro R. J., Gordon D. B. Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 1983. Vol. 12(1). Pp. 101-121.
12. Rogoff K. The Optimal Degree of Commitment to an Intermediate Monetary Target // The Quarterly Journal of Economics. 1985. Vol. 100(4). Pp. 1169–1189.
13. Svensson L. E. O. Inflation Forecast Targeting: Implementing and Monitoring Inflation Targets // European Economic Review. 1997. Vol. 41(6). Pp. 1111–1146. EDN: HHIPXJ.
14. Geraats P. M. Central Bank Transparency // The Economic Journal. 2002. Vol. 112(483). Pp. 532-565. EDN: FHKRCA.
15. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. EDN: QSJZAV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является эволюция коммуникационной политики центральных банков, рассматривается сдвиг от доктрины секретности и минимализма к современному пониманию коммуникации как ключевого инструмента управления ожиданиями и элемента системы экономической безопасности.

Методология исследования базируется на сочетании историко-генетического анализа этапов эволюции парадигмы, проведении дискурс-анализа для выявления риторических стратегий и систематизации речевых практик руководителей центральных банков различных стран, сравнении национальной специфики ФРС, ЕЦБ, ЦБ РФ, использовании институционального подхода для интерпретации трансформации роли коммуникации в контексте экономической безопасности.

Актуальность работы обусловлена тем, что коммуникация превратилась в основной инструмент декларации намерений центральных банков, позволяющий тонко настраивать поведение рынков без немедленного изменения ключевых ставок.

Научная новизна работы, по мнению рецензента, заключается в системном осмыслении эволюции коммуникации центробанков сквозь призму концепции экономической безопасности.

Статья обладает четкой и логичной структурой, соответствующей канонам научной публикации. В тексте структурно выделены следующие разделы: Введение, Методы, Результаты (здесь выделены подразделы: Эпоха секретности: теоретические основы и дискурс неопределенности как инструмент управления, Теоретический переворот и дискурсивный сдвиг: конструирование якоря ожиданий, Кризис как катализатор: перформативный дискурс и становление коммуникации элементом безопасности), Дискуссия (с подразделами: Коммуникация как новый вид монетарного риска: парадокс прозрачности, Перформативность дискурса: от отражения реальности к ее конструированию, Коммуникация как элемент экономической безопасности: институциональное измерение, Ограничения исследования и перспективы дальнейших изысканий), Заключение и Библиография.

В публикации рассмотрена роль коммуникации центральных банков в обеспечении экономической безопасности, в работе освещены изменения в коммуникации центральных банков, публикация отражает стремление авторов дать ответы на современные вызовы.

Библиографический список включает 15 источников – научные публикации зарубежных и российских авторов по рассматриваемой теме на английском (10 работ) и русском (5 работ) языках. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам. Цитируемые работы охватывают обширный временной период – более 45 лет: с 1977 г. по 2023 г., что подтверждает проведение автором надлежащего историко-теоретического анализа изучаемого вопроса.

Тема статьи актуальна, содержит обобщение сведений об эволюции концепции коммуникации центральных банков, определенным образом связана с тематикой журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию после расширения перечня используемых источников до рекомендуемого Правилами оформления списка литературы количества: «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников...».

